

Дмитрий Колодан

Вся королевская конница



Часть сборника
Жизнь чудовищ (сборник)



Дмитрий Геннадьевич Колодан
Вся королевская конница
Серия «Нортон Филберт», книга 2

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170317*

Аннотация

«Погода не заладилась с самого утра. Метеосводки давно предупреждали о приближающемся циклоне, но обещали его не раньше середины следующей недели. Сейчас была только суббота, а небо до горизонта затянула серо-рыжая пелена, сочащаяся мелкой моросью. И дождем-то не назвать, а выйдешь без зонта – вымокнешь до нитки. В случае же с Памеллой Льюис и этой защиты недостаточно: при ее размерах любой зонт был бы слишком мал...»

Содержание

Дмитрий Колодан	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Дмитрий Колодан

Вся королевская конница

Погода не заладилась с самого утра. Метеосводки давно предупреждали о приближающемся циклоне, но обещали его не раньше середины следующей недели. Сейчас была только суббота, а небо до горизонта затянула серо-рыжая пелена, сочащаяся мелкой моросью. И дождем-то не назвать, а выйдешь без зонта – вымокнешь до нитки. В случае же с Памеллой Льюис и этой защиты недостаточно: при ее размерах любой зонт был бы слишком мал.

Памелла дождь не любила; не из-за водобоязни, а потому, что в плохую погоду весь день приходилось сидеть дома. Особых планов на эту субботу у нее не было, но все равно Памелла думала прогуляться по городу, выпить чашечку кофе, быть может, покормить белок в городском парке... Да мало ли радостей у одинокой женщины? Но вместо этого ей досталось заточение в четырех стенах, под ужасающие звуки, доносящиеся со стороны соседского дома.

Время едва приблизилось к полудню и текло медленно, словно густое варенье. Памелла сидела в огромной гостиной, перебирая клавиши рояля. Хотя на дворе стояла середина мая, Памелла играла «Осеннюю песню» Чайковского. Октябрьская мелодия как раз совпадала с ее настроением – те

же хмурые и беспросветные тучи.

Играла она громко, но музыка не могла заглушить врывающиеся с улицы взвизгивания и скрипы. За оконным стеклом, крапчатым от мелких капель, Памелла прекрасно видела соседский дом. Кинетический Дом Хокинса – нагромождение башенок, которые жались друг к другу, точно свечи в праздничном торте столетнего старца. Картина станет более полной, если представить, что торт угодил в ураган. За подтеками воды башенки дрожали и раскачивались из стороны в сторону.

В любом другом случае Памелла решила бы, что ей кажется. Преломление света на влажном стекле... Но башенки двигались на самом деле, не важно, шел дождь или нет. Хитроумная система блоков и противовесов приводила дом в движение сразу во всех направлениях. Словно в одном месте собрались с десяток кукол-неваляшек и затеяли шумную драку.

Чудовищные звуки были половиной беды, Кинетический Дом еще и выглядел уродливо. Если архитектура – это музыка, застывшая в камне (а в случае Хокинса – в дереве, стекле и железе), то Кинетический Дом был мелодией для шарманки. Столь же безыскусный и аляповатый, не имеющий ни малейшего отношения к настоящему искусству. Каждую из движущихся башенок Хокинс сделал непохожей на остальные, не думая о том, как они будут смотреться вместе. Он смешивал сельскую готику с конструкциями в духе иллю-

страций к «Изумрудному городу», а финальным аккордом украсил свое творение разнообразным хламом – от битой посуды и резиновых пупсов до блестящих колесных дисков и гипсовой садовой жабы. Хокинс тащил в дом все, что попало под руку. Подобные выходки характерны для сорок и галок, но никак не для разумного человека. Вывод напрашивался сам собой.

В окно Памелла видела вырезанное из фанеры круглое улыбающееся лицо размером с купальный тазик – вместе с раскачивающейся башенкой оно то приближалось, то удалялось, будто огромный пухлощекий младенец заглядывал в окно и презрительно отстранялся. Он не мог не раздражать. Хокинс это знал наверняка – башенку с лицом он построил исключительно с целью подшутить над соседкой. С юмором у него всю жизнь были проблемы.

Все жалобы Памеллы в муниципалитет, полицию, социальную службу и прочие организации, призванные бороться с подобным беспределом, натыкались на стену непонимания. Бюрократия, ничего не напишешь. Хокинс хоть и был полным психом, но при том оказался скользким, как угорь. Памелла еще только писала первую кляузу, подбирала слова, живописуя свое бедственное положение, а сосед подсуетился и зарегистрировал Кинетический Дом как городскую достопримечательность. Памятник архитектуры! Конечно, Памелла воздерживалась от голословных обвинений – доказательств-то никаких, – но в том, что Хокинс не поскупился

на взятки, она не сомневалась.

Два года назад Хокинс отбыл в мир иной, но с тех пор ничего не изменилось. Дом перешел в муниципальную собственность с правом пользования, тем самым сильно поколебав надежду от него избавиться. Если в войне лично против Хокинса имелись шансы, против городской администрации Памелла была бессильна. Но сдаваться она не собиралась. Всегда оставалась возможность съехать, перебраться на другой конец города, а то и вовсе бежать в Сан-Бернардо. Благо, счет в банке позволял повернуть это практически без потерь. Но, черт возьми, Льюисы жили здесь вторую сотню лет! Как она будет смотреть в глаза деда на пожелтевших фотографиях?

Сейчас в Кинетическом Доме жила дочь Хокинса – девушка с глупым именем Теннесси. Еще одна капля в давно переполненной бочке терпения. Памелла честно пыталась наладить контакт, выстроить добрососедские отношения (втайне лелея надежду уговорить соседку остановить Кинетический Дом), но все пошло прахом. Сама виновата – надо лучше продумывать стратегию. Может, не стоило столь яростно доказывать, что девушке не подходит расхаживать в мешковатом джинсовом комбинезоне вместо платья, с руками по локоть в машинном масле. Но разве вина Памеллы, что при сильном волнении ее голос срывался на истеричный визг?

Теннесси до сих пор ее сторонилась, но пару раз Памелла краем уха слышала, как та назвала ее «сумасшедшей толсту-

хой». Про себя она отвечала тем же, придя к выводу, что девица ничем не лучше своего отца. Теннесси, девушку стройную, «толстухой» называть было глупо, но Памелла нашла подходящее слово и именовала ее не иначе как «этой штучкой».

Себя же Памелла никогда, даже в мыслях, толстухой не называла. Когда вес переваливает за сотню, отрицать его уже нельзя, но все-таки она предпочитала слово «дородная» – в нем было куда больше обстоятельности, положенной даме ее возраста. В конце концов, не так много она и ела, причем только здоровую пищу; просто такой у нее обмен веществ. А поводов считать ее сумасшедшей и вовсе не было. Не из-за кошек же – каждый имеет право на любовь к животным.

Ее белоснежные кошки – общим числом двенадцать – спали по всей гостиной. Их выдержке можно было позавидовать: скрипов Кинетического Дома они не замечали. Зато чутко реагировали на игру хозяйки. К глубочайшему сожалению Памеллы, Рахманинова кошки недолюбливали. Всякий раз, когда она бралась за любую из двадцати четырех прелюдий для фортепьяно, кошки принимались вопить, словно им разом отдавили хвосты. Они снисходительно терпели Чайковского или Сибелиуса, но в своем консерватизме предпочитали музыку, написанную не позднее восемнадцатого века.

Жаль, Памелла не знала мелодии, которой смогла бы ответить Теннесси. Но должен же быть свой Рахманинов и для

соседа?

Пальцы пробежались по клавишам в простейшей гамме... неожиданно оборвавшейся на ноте «фа» громким «шмяк!», донесшимся от окна. Удар был мягким, но сильным, словно в стекло с размаху швырнули мокрую тряпку. Кошки мигом прыгнули на пол и, не скрывая возмущения, уставились на хозяйку. Тут же зашевелились их товарки. Однако в кои-то веки Памелле стало не до любимцев.

На мгновение почудилось, что рухнула одна из башенок Кинетического Дома. Упала на крышу и того и гляди ворвется в гостиную, ломая хрупкие перекрытия. От одной мысли Памеллу прошиб холодный пот. Но не прошло и секунды, как на смену испугу пришло крайнее удивление.

Башни пока оставались на месте. В окно действительно что-то бросили, чудом не выбив стекло. А вернее, кого-то: в стекло впечатался толстый зверь, размером чуть больше кошки, похожий на мохнатый бочонок песочного цвета. Памелла успела заметить безумно вытарашенные глаза; когтистая лапка заскребла по гладкой поверхности, безуспешно пытаясь уцепиться... Пугающе медленно зверек сполз вниз, прочертив мохнатым брюхом широкую дорожку среди дождевых капель. В дикое мгновение озарения, когда растерянность вдруг сменилась кристальной ясностью мысли, Памелла поняла, с кем имеет дело. Это был... сурок?!

Зверек упал на карниз и скатился на землю. Памелла вскочила со стула и бросилась к окну, но сурка и след про-

стыл.

Памелла с усилием проглотила вставший поперек горла ком. Сурки ведь не летают? Даже после хорошего пинка... В привычной и устоявшейся картине мира наметилась изрядная трещина. В груди зашевелилось неприятное чувство, нарастая снежной лавиной и вот-вот грозя обрушиться.

Противно взвизгивая, башня Кинетического Дома склонилась над окном. Фанерный младенец ехидно ухмылялся и разве что не хихикал. Памелла уставилась в огромные круглые глаза и совсем не удивилась бы, если б младенец подмигнул ей в ответ. Мысленно прочертив предполагаемую траекторию полета, Памелла с ужасом поняла: зверек выпал из Кинетического Дома. Прямо изо рта жуткого младенца.

В мире существовало не так много вещей, способных вывести Нортон Филберта из себя. Однако грузовик-дальнобойщик, проносившийся мимо и сворачивающий чуть в сторону для того, чтобы окатить его водой из лужи, точно входил в их число. И самое мерзкое, что за последний час это был третий грузовик, откалывающий подобный номер. Если это и есть та стабильность, к которой, по слухам, стремится Вселенная, то Нортон обеими руками за хаос. А еще за прижигание мозга – другого способа избавить водителей от такого чувства юмора он не видел.

Тот, кто впервые назвал дорогу в дождь хорошей приметой, был неисправимым оптимистом. Или ему никогда не

приходилось крутить педали под разверзнувшимися небесными хлябями, когда нельзя лишний раз вдохнуть, не наглотавшись холодной воды. Нортон тщетно утешал себя тем, что могло быть и хуже. Тропические ливни, ураганы, грозы и цунами – да мало ли на свете ситуаций, по сравнению с которыми нынешнее положение – отдых на солнечном пляже? Вот только все они существовали исключительно теоретически, Нортон же мок под колючей моросью сейчас. Купленная на распродаже ковбойская шляпа – хорошая защита от дождя, но при одном условии: тот должен лить сверху, а не идти одновременно во всех направлениях, нарушая законы физики и здравого смысла. Нортон мучили сильные подозрения, что вода уже добралась до костей. Если так пойдет дальше, то скоро он превратится в медузу. Безрадостная перспектива. В кармане куртки хлюпал размокший бутерброд, который ему дали в дорогу. Страшно представить, до каких глубин дошла диффузия хлеба и сыра. Рискнуть и проверить Нортон не решался, хотя живот слегка сводило от голода.

Ночь он провел в трейлерном поселке рядом с сорок третьим шоссе. По сути, это была давно выродившаяся коммуна хиппи, доживающая последние годы. На крошечном пятачке жались друг к дружке два десятка хлипких трейлеров, вросших в землю так, что не было видно колес. Половина домиков пустовала, скалилась битыми окнами, точно беззубые собаки над обглоданной костью. Может, когда-то, еще до рождения Нортон, поселок и странствовал по побережью

– от одного музыкального фестиваля к другому или просто по интересным местам. Но времена эти канули в Лету безо всякой надежды на возвращение.

Идея блуждающих городков Нортону была по душе куда больше, чем оставшееся унылое поселение. Не стоило им прекращать движение... В мире все просто: чуть замешкаешься – и законы вселенской энтропии не упустят шанса. А итог один – запустение.

Не сказать, что это была худшая ночь в его жизни, но на место в десятке она явно претендовала. На жесткой койке, в душной комнатухе, где даже стеновые панели насквозь пропахли травкой, сложно выспаться и при самой сильной усталости. Трейлер не отапливался, а тонкое лоскутное одеяло не спасало от холода и сырости. В соседнем домике почти до рассвета на полную катушку крутили диски «Перл Джем». И хотя Нортону удалось задремать, сон был зыбким, точно утренний туман, и полным разных несуразностей про уток. Под утро его разбудил хозяин домика, лохматый старец с рыжей от табачного крошева бородой: он решил, что пять часов – самое подходящее время, чтобы распить бутылочку местного самогона, и искал компанию.

Так или иначе, но из поселка Нортон выбрался затемно. Тогда еще ничто не предвещало беды; небо было чистым, не считая молочной россыпи звезд да тонкого росчерка месяца. Но с первыми красками рассвета пришли тучи, а с ними короткий ливень, выродившийся в бесконечный мелкий

дождь. В грязно-серой пелене облаков не было ни малейшего просвета и ни малейшей надежды на то, что он скоро появится. Самый отвратительный день за все время путешествия по побережью. Вдвойне обидно, ведь до цели оставалось всего ничего.

Неделю назад Нортон увидел прелюбопытнейший сюжет в теленовостях. Рубрика называлась «Курьезы» – пять минут о диковинках, которые можно найти на побережье. Нортон ждал сюжета про своего дядю Барни – ту еще диковинку, но вместо этого показали Кинетический Дом Хокинса, гордость туристического департамента Санта-Риты. И хотя сам дом показывали куда меньше, чем корреспондента, того, что Нортон успел заметить, оказалось достаточно. На одной из раскачивающихся башен сидела гипсовая садовая жаба... Нортону хватило одного взгляда, чтобы понять: именно такой не хватает в его коллекции. Во всяком случае, всю дорогу он убеждал себя, что целью путешествия была именно жаба, а вовсе не девушка, хозяйка странного дома, у которой брали интервью.

Дорожный указатель почти издевательски сообщил, что до Санта-Риты осталось десять километров. Нортон подналег на педали. Если подумать, – не много, даже с учетом коэффициента «плохой дороги».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.